

Приложеніе къ XVIII тому
Записокъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

ПАМЯТИ
БАРОНА ВИКТОРА РОМАНОВИЧА
РОЗЕНА.

*Сообщенія, читанныя съ засѣданій Отдѣленія 20 ноября 1908 г., и
списокъ трудовъ барона В. Р. Розена. ?*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лив., № 12.
1909.

Фотостудия А. Ф. Дрейерова
Соб. в. Подольский 22

С. Я. П. В. П. В. П.

Баронъ В. Р. Розенъ и русскій провинціальный оріентализмъ.

Отношеніе покойнаго барона В. Р. Розена къ различнымъ отраслямъ русскаго оріентализма опредѣлялось не только широтой его научныхъ интересовъ, но и его взглядомъ на русское востоковѣдѣніе, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ русской культуры. Покойный, какъ было отмѣчено въ одномъ изъ его некрологовъ, принадлежалъ къ числу патріотовъ-націоналистовъ¹⁾, но не въ смыслѣ требованія особыхъ преимуществъ для русскаго народа и угнетенія другихъ національностей. Викторъ Романовичъ понималъ, что какъ положеніе Россіи среди культурныхъ странъ, такъ и первенство русскаго народа въ созданной имъ имперіи можетъ быть обезпечено только при условіи осуществленія представителями этого народа культурныхъ задачъ, опредѣляемыхъ географическимъ положеніемъ Россіи и составомъ ея населенія. Будущее значеніе для европейской науки русскихъ трудовъ по востоковѣдѣнію было ясно уже для современниковъ той эпохи, когда въ Россіи, по волѣ Петра Великаго, возникали первыя научныя учрежденія европейскаго типа²⁾; для того же преобразователя Россіи была уже вполне ясна тѣсная связь между знаніемъ Востока и возможностью оказывать на него вліяніе, т. е. между развитіемъ русскаго оріентализма и осуществленіемъ политическихъ и культурныхъ задачъ Россіи на Востокѣ³⁾.

Викторъ Романовичъ сознавалъ, что для успѣховъ русскаго востоковѣдѣнія, какъ и другихъ факторовъ русской культуры, необходимо устраненіе противоположности между кипучей работой въ столицахъ и «вѣковой тишиной въ глубинѣ Россіи». Мысль о централизаціи русскаго востоковѣ-

1) Изв. Имп. Акад. Наукъ 1906 г., стр. 172.

2) Th. Vénfey, Geschichte der Sprachwissenschaft, München 1869, S. 264 f.

3) Ср. напр. П. С. З. № 1800 (1700 г.).

дѣнія, проведенная въ жизнь въ половинѣ XIX в., посредствомъ учрежденія факультета восточныхъ языковъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, не пользовалась сочувствіемъ Виктора Романовича; имъ неоднократно¹⁾ высказывалось въ печати убѣжденіе, что интересы русскаго востоковѣдѣнія требуютъ учрежденія кафедръ восточныхъ языковъ при историко-филологическихъ факультетахъ всѣхъ русскихъ университетовъ, прежде всего Московскаго, гдѣ осуществленіе этой мысли, по мѣстнымъ условіямъ и историческимъ традиціямъ, встрѣтило бы меньше всего затрудненій²⁾. Когда въ 1893 г. возникла мысль о перенесеніи двухъ кафедръ — тюркско-татарскихъ и финскихъ нарѣчій — изъ Казанскаго университета въ С.-Петербургскій, на факультетъ восточныхъ языковъ, Викторъ Романовичъ категорически высказался противъ такой мѣры, которая, по его мнѣнію, «лишила бы провинцію весьма немаловажнаго культурнаго фактора въ пользу несравненно болѣе богатой культурными факторами столицей³⁾».

Забываясь о насажденіи въ провинціи университетскаго преподаванія восточныхъ языковъ, ожидая дѣйствительнаго «углубленія, расширенія и движенія впередъ русскаго востоковѣдѣнія» только «отъ тѣхъ adeptовъ его, которые свою жизнь ему посвящаютъ и при этомъ примѣняютъ приемы, выработанные филологическою и историческою наукой⁴⁾», Викторъ Романовичъ слѣдилъ съ живымъ сочувствіемъ и за тѣми работами русскихъ провинціальныхъ ориенталистовъ, которые, не обладая необходимой подготовкой и работая вдали отъ научныхъ центровъ, были вынуждены ограничиваться собираніемъ сырого матеріала. Викторъ Романовичъ горячо пріѣтствовалъ каждую попытку организаціи научныхъ силъ на азіатскихъ окраинахъ Россіи, отъ Туркестана, гдѣ въ 1895 г. образовался кружокъ любителей археологіи⁵⁾, избравшій Виктора Романовича въ 1898 г. своимъ почетнымъ членомъ, до Амурскаго края, которому Викторъ Романовичъ въ 1890 г. предсказывалъ великую будущность⁶⁾. Правда, покойнаго, по свойствамъ его личнаго характера, еще больше радовали немногочисленные случаи проявленія самостоятельной инициативы въ этомъ отношеніи, тѣ случаи, когда серьезныя научныя работы выполнялись людьми, приступавшими къ своимъ задачамъ не только независимо отъ предписаній началь-

1) Въ первый разъ въ Зап. В. О. IV, стр. 115 и слѣд.

2) Ж. М. Н. П., ч. 273, отд. II, стр. 165.

3) Матеріалы для исторіи факт. Вост. яз., т. II, стр. 286.

4) Ж. М. Н. П., ч. 273, отд. II, стр. 163.

5) О привѣтствіи, посланномъ кружку восточнымъ отдѣленіемъ И. Р. А. О. по предложенію Виктора Романовича, см. З. В. О. X, стр. XII. Ср. также письмо Виктора Романовича, напечатанное въ протоколѣ засѣданія того же кружка 10 ноября 1897 г., стр. 5.

6) З. В. О. V. 323.

ства, но и помимо всяких обществ и кружковъ, иногда безъ руководителей, часто при полномъ равнодушіи окружающей ихъ среды. Многие, вѣроятно, помнятъ, какъ былъ доволенъ Викторъ Романовичъ, когда такіе дѣятели (среди нихъ былъ, напр., воспитанникъ Туркестанской учительской семинаріи, добровольно прошедшій также курсъ медресе), пріѣхавъ на короткое время въ Петербургъ, посѣщали засѣданія нашего отдѣленія, и какъ охотно онъ давалъ мѣсто подобнымъ работамъ на страницахъ «Записокъ» отдѣленія, чтò, къ сожалѣнію, происходило далеко не такъ часто, какъ было желательно для самого Виктора Романовича.

Покойному были близки и понятны всякія научныя стремленія мѣстныхъ дѣятелей, какъ бы ни былъ далекъ предметъ этихъ стремленій отъ круга его собственныхъ занятій; одно до конца жизни оставалось для него непонятнымъ — равнодушіе значительной части русскаго общества на окраинахъ къ вопросамъ, касающимся мѣстности, гдѣ имъ приходилось жить и дѣйствовать, и ея населенія. Викторъ Романовичъ не удивлялся тому, что дѣятели, поселившіеся въ краѣ уже въ зрѣломъ возрастѣ, не всегда успѣвали въ достаточной степени ознакомиться даже съ языкомъ коренныхъ жителей; но онъ не разъ выражалъ свое удивленіе, что и сыновья такихъ дѣятелей, родившіеся въ томъ же краѣ, не всегда научались объясняться съ туземцами.

Основанный Викторомъ Романовичемъ въ 1885 г. органъ русскаго востоковѣдѣнія, по первоначальному плану, долженъ былъ служить еще въ большей степени интересамъ популяризаціи знаній, чѣмъ интересамъ разработки научныхъ вопросовъ специалистами. Предполагалось, что объемъ всего изданія не превыситъ десяти печатныхъ листовъ въ годъ, что въ немъ не будетъ печататься другихъ научныхъ изслѣдованій, кромѣ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ восточнаго отдѣленія археологическаго общества¹⁾, и что въ немъ особенно значительное мѣсто будетъ отведено библиографическому отдѣлу. Жизнь уже въ первый годъ изданія «Записокъ Восточнаго Отдѣленія» заставила измѣнить этотъ планъ. Статьи по отдѣльнымъ научнымъ вопросамъ оказались гораздо многочисленнѣе и обширнѣе, чѣмъ ожидали, и объемъ всего изданія былъ значительно увеличенъ; съ другой стороны библиографическій отдѣлъ знакомилъ русскихъ читателей съ успѣхами западно-европейскаго ориентализма далеко не въ той полнотѣ, которая признавалась желательной, не исключая и отрасли знаній, составлявшей предметъ специальныхъ занятій покойнаго редактора («Записокъ²⁾»). «Записки» заняли почетное мѣсто среди

1) З. В. О. I, стр. I сл.

2) Ср. объ этомъ слова самого Виктора Романовича въ З. В. О. VIII, 170 сл.

органовъ европейскаго орієнтализма; западно-европейскіе орієнталисты въ большей степени, чѣмъ прежде, стали считаться съ работами русскихъ ученыхъ; но среди русскихъ читателей «Записки» не пользовались сколько-нибудь широкимъ распространеніемъ, и даже обмѣнъ изданіями былъ установленъ далеко не со всѣми періодическими органами, выходившими въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи¹⁾.

Въ первые годы существованія «Записокъ» Викторъ Романовичъ, какъ было указано въ одномъ изъ его некрологовъ²⁾, долженъ былъ вести библіографическій отдѣлъ почти безъ сотрудниковъ и составлять отзывы даже о такихъ изданіяхъ, которыя не имѣли никакого отношенія къ предмету его специальныхъ занятій, напр. объ изданіяхъ, выходившихъ въ Восточной Сибири. Такія рецензіи часто заключали въ себѣ, кромѣ краткихъ свѣдѣній о содержаніи книгъ, только выраженіе сочувствія культурной работѣ мѣстныхъ дѣятелей; но иногда Викторъ Романовичъ пользовался и этими рецензіями для выраженія своего мнѣнія по принципиальнымъ вопросамъ, одинаково важнымъ для всѣхъ провинціальныхъ изданій, независимо отъ специальности. Такъ имъ была отмѣчена склонность нѣкоторыхъ редакцій помѣщать, рядомъ со статьями на русскомъ языкѣ, оглавленіе или даже резюме тѣхъ же статей на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Доказывая нецѣлесообразность такого приема, Викторъ Романовичъ въ той же рецензії указывалъ на наиболѣе дѣйствительное средство для ознакомленія иностранныхъ читателей съ русскими работами — доставленіе въ иностранные журналы рефератовъ о русскихъ работахъ по той или другой специальности, появившихся за опредѣленный періодъ времени³⁾.

Гораздо болѣе полезныхъ указаній заключали въ себѣ, конечно, рецензіи Виктора Романовича на труды, близкіе къ его специальности, особенно на казанскія и ташкентскія изданія. Особенное значеніе Викторъ Романовичъ придавалъ тѣмъ свѣдѣніямъ объ исламѣ и о бытѣ мусульманскихъ народностей, которыя могли сообщить своимъ читателямъ непосредственно знакомые съ этимъ бытомъ казанскіе и туркестанскіе изслѣдователи. Не будучи безусловнымъ почитателемъ ислама, вполне признавая «сравнительную скудость мухаммедовой религіи»⁴⁾, Викторъ Романовичъ, однако, считалъ изученіе ислама «настоящей и благодарнѣйшей задачей арабиста-историка», несравненно болѣе важной, чѣмъ изученіе арабской поэзіи и

1) Такъ обмѣнъ съ «Туркестанскими Вѣдомостями» (мнѣніе Виктора Романовича о значеніи этого органа см. З. В. О. IX, 243) былъ установленъ только въ 1893 г.

2) Н. Веселовскій, Бар. В. Р. Розень, Спб. 1908, стр. 19 [отд. оттискъ изъ Ж. М. Н. П., апр. 1908 г., совр. лѣт., стр. 188].

3) З. В. О. VII, 343.

4) З. В. О. III, 153.

литературы и даже арабской науки. Исламъ, по его мнѣнію, — «настоящій аттестатъ зрѣлости, если можно такъ выразиться, арабской народности, главный вкладъ ея въ культурную исторію человечества, центръ, изъ котораго исходятъ всѣ луча арабскаго просвѣщенія, и фокусъ, въ которомъ они въ большей или меньшей степени отражаются»¹⁾.

Уже въ I томѣ «Записокъ» Викторъ Романовичъ посвятилъ нѣсколько рецензій трудамъ представителей Казанской духовной академіи. Миссіонерской цѣли этихъ трудовъ Викторъ Романовичъ сочувствовалъ далеко не вполнѣ; для «духовнаго сліянія инородческихъ элементовъ съ господствующей народностью» миссіонерская «полемика о коранѣ и мусульманской догматикѣ съ учеными муллами» казалась ему менѣе дѣйствительнымъ средствомъ, чѣмъ «распространеніе среди мусульманъ обще-русскаго образованія и привлеченіе молодежи въ русскія школы». Но миссіонеры заботились и объ изученіи ислама, хотя исключительно для цѣлей борьбы съ нимъ, и въ этомъ отношеніи ихъ труды, по признанію Виктора Романовича, заслуживали вниманія и тѣхъ, «которые посвятили себя изученію мусульманской исторіи и литературы независимо отъ какой бы то ни было практической миссіонерской или политической цѣли»²⁾. Съ этой точки зрѣнія Виктору Романовичу неоднократно приходилось разбирать труды казанскихъ и отчасти ташкентскихъ изслѣдователей ислама. Въ этихъ рецензіяхъ имъ отмѣчалась несостоятельность попытокъ рѣшать сложные историческіе вопросы безъ необходимой подготовки и безъ примѣненія выработанныхъ наукою методовъ³⁾, но въ то же время указывалось на возможность обогащенія науки новыми цѣнными данными даже при полномъ отсутствіи книжной учености, только при наличности терпѣнія, наблюдательности и умѣнія снискать довѣріе туземцевъ⁴⁾. Какъ на особенно заманчивую задачу, Викторъ Романовичъ указывалъ на изученіе туркестанскихъ дервишескихъ орденовъ⁵⁾. Въ этомъ отношеніи Виктору Романовичу не пришлось видѣть плоды своихъ трудовъ; какъ въ началѣ его дѣятельности, такъ и до сихъ поръ русская наука не обладаетъ ни однимъ сколько-нибудь обширнымъ оригинальнымъ трудомъ по изученію ислама, который бы могъ быть признанъ шагомъ впередъ въ наукѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ работъ, посвященныхъ бабизму.

Кромѣ изученія ислама, была еще одна задача, поставленная на

1) З. В. О. VIII, 173.

2) З. В. О. I, 39.

3) Ср. особенно З. В. О. II, 283—301.

4) З. В. О. X, 210.

5) З. В. О. II, 168 и X, 211.

очередь русскими арабистами задолго до основанія З. В. О., при осуществленіи которой можно было разсчитывать на участіе мѣстных дѣятелей, именно собраніе и объясненіе арабскихъ извѣстій о Средней Азійи. Изъ собственныхъ трудовъ Виктора Романовича этой задачѣ была посвящена только студенческая работа, оставшаяся неапечатанной¹⁾, но еще въ 1895 г., по поводу изданнаго въ Ташкентѣ Н. Ф. Петровскимъ перевода книги Шпренгера «Die Post- und Reiserouten des Orients», имъ указывалось на необходимость и возможность осуществленія давно задуманнаго плана и на важность участія въ этомъ дѣлѣ лицъ, непосредственно знакомыхъ съ природой края и въ особенности съ его географической номенклатурой. Викторъ Романовичъ понималъ, что сопоставленіе арабскихъ географическихъ названій съ современными можетъ привести къ болѣе достовѣрнымъ результатамъ, чѣмъ собраніе даже самаго большого количества рукописныхъ вариантовъ²⁾. До нѣкоторой степени эта надежда впоследствии осуществилась, главнымъ образомъ благодаря работамъ самаркандскаго дѣятеля В. Л. Вяткина³⁾.

Кромѣ работъ, посвященныхъ изученію ислама и другимъ специальнымъ научнымъ задачамъ, Викторъ Романовичъ, конечно, привѣтствовалъ появленіе и такихъ трудовъ мѣстныхъ дѣятелей, которые имѣли цѣлью приведеніе въ извѣстность литературнаго, лингвистическаго и этнографическаго матеріала, независимо отъ тѣхъ выводовъ, которые на основаніи этого матеріала будутъ сдѣланы учеными.

Среди собственныхъ трудовъ Виктора Романовича труды по каталогизации восточныхъ рукописей занимаютъ, какъ извѣстно, значительное мѣсто, причѣмъ эти труды не ограничивались областью его специальныхъ занятій. Составленный имъ каталогъ персидскихъ рукописей учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ остается до настоящаго времени образцовой и даже единственной въ своемъ родѣ работой; описанное въ каталогѣ Виктора Романовича собраніе остается единственнымъ въ Россіи собраніемъ персидскихъ рукописей, имѣющимъ подробный *catalogue raisonné*. Изъ трудовъ туркестанскихъ ориенталистовъ Викторъ Романовичъ могъ отмѣтить только одну попытку въ этомъ направленіи, именно каталогъ персидскихъ, арабскихъ и турецкихъ рукописей Туркестанской публичной бібліотеки, составленный въ 1889 г. ученикомъ Виктора Романовича, покойнымъ Е. О. Калемъ. Надеждамъ, выраженнымъ

1) Объ этой работѣ (объ Абу-Дулефѣ) см. Протоколы засѣд. сов. Имп. Спб. Унив., № 3, стр. 54.

2) З. В. О. IX, 297.

3) Ср. З. В. О. XV, 052.

въ отзывѣ Виктора Романовича объ этомъ трудѣ¹⁾, не суждено было осуществиться; ранняя смерть уже въ 1891 г. прекратила дѣятельность молодого ориенталиста²⁾; найти ему преемника, который могъ бы работать при тѣхъ же условіяхъ, также оказалось невозможнымъ. Е. Ө. Каль остается до настоящаго времени единственнымъ изъ работавшихъ въ Туркестанѣ ориенталистовъ³⁾, имѣвшимъ возможность посвящать наукѣ не только часы своего досуга, но все свое время.

Викторъ Романовичъ интересовался, конечно, и отдѣльными восточными рукописями, которыя могли быть найдены въ Туркестанѣ и среди которыхъ могли оказаться экземпляры сочиненій, совершенно неизвѣстныхъ или считающихся въ Европѣ утраченными. Переданная ему въ 1893 г. А. Г. Туманскимъ рукопись вновь открытаго географическаго сочиненія X в., на персидскомъ языкѣ⁴⁾, тогда же была имъ переписана полностью. Въ 1894 г. имъ была выражена надежда, что въ Средней Азій будутъ найдены экземпляры важнаго для культурной исторіи Средней Азій сочиненія *ملاحات الصراح*, составленнаго въ началѣ XIV в. Джемалемъ Карши⁵⁾. Въ этомъ случаѣ указаніе Виктора Романовича оказалось пророческимъ; Азіатскій музей Академіи Наукъ въ настоящее время обладает двумя рукописями этого сочиненія, прибрѣтенными въ Туркестанѣ⁶⁾.

Изъ туркестанскихъ работъ лингвистическаго характера Викторомъ Романовичемъ были отмѣчены изданные въ Ташкентѣ словари таджикскаго («Русско-персидскій словарь» В. П. Наливкина) и узбекскаго (Карманный русско-узбекскій словарь» Серъ-Али Лапина) языковъ. По поводу словаря В. П. Наливкина имъ было высказано пожеланіе, чтобы въ подобныхъ трудахъ слова, заимствованныя изъ живой рѣчи, отдѣлялись отъ словъ, заимствованныхъ изъ литературныхъ памятниковъ, и чтобы составитель тщательно указывалъ свои литературные источники⁷⁾.

Изъ этнографическихъ работъ туркестанскихъ ориенталистовъ Викторъ Романовичъ далъ отзывъ объ изданіи Н. П. Остроумова «Сарты». По поводу второго выпуска этого изданія, посвященнаго сказкамъ сартовъ, Викторъ Романовичъ указалъ на необходимость «систематическаго собиранія вариантовъ одной и той же сказки въ разныхъ мѣстахъ»⁸⁾.

1) З. В. О. V, 124.

2) З. В. О. VI, стр. VI и VIII, 166.

3) Мы, конечно, не говоримъ о лицахъ, командированныхъ въ Туркестанъ съ ученою цѣлью, вообще о приѣзжавшихъ въ край на короткое время.

4) З. В. О. X, 123.

5) З. В. О. VIII, 353.

6) З. В. О. XI, 283 и XV, 271.

7) З. В. О. IV, 125.

8) З. В. О. VIII, 168.

Всѣ статьи и рецензіи Виктора Романовича, на которыя мы ссылались въ настоящемъ очеркѣ, появились въ печати до 1897 г. Въ послѣдующіе годы семья русскихъ ориенталистовъ, отчасти благодаря педагогической дѣятельности самого Виктора Романовича, значительно разрослась; Виктору Романовичу уже не было необходимости, какъ прежде, посвящать свое время трудамъ, находившимся внѣ круга его специальныхъ занятій. Но кругъ его научныхъ интересовъ оставался столь же широкимъ, какъ прежде; не измѣнился и его взглядъ на значеніе русскаго востоковѣдѣнія, какъ фактора русской культуры. Тѣ изъ учениковъ Виктора Романовича, кому въ эти годы приходилось проводить продолжительное время въ Туркестанѣ, могли бы засвидѣтельствовать, съ какимъ интересомъ относился Викторъ Романовичъ къ ихъ письмамъ съ этой окраины и какъ много полезныхъ указаній они находили въ его отвѣтныхъ письмахъ. Какъ о всей дѣятельности Виктора Романовича, такъ и о пользѣ, принесенной имъ дѣлу изученія азіатскихъ владѣній Россіи и ихъ населенія, его печатные труды могутъ дать только слабое представленіе; но для выясненія того вліянія, которое было оказано имъ на ходъ этихъ работъ путемъ частной переписки съ работавшими на мѣстѣ лицами, едва ли скоро наступитъ время. Пишущему эти строки, даже помимо собственнаго опыта, извѣстно, что ученики Виктора Романовича, проводившіе болѣе или менѣе продолжительное время на Востокѣ, получали отъ своего учителя, кромѣ свѣдѣній, необходимыхъ для ихъ собственныхъ работъ, также указанія, съ какими изъ мѣстныхъ дѣятелей имъ прежде всего слѣдуетъ сойтись. Вполнѣ сознавая трудность совмѣстной работы людей разныхъ поколѣній и разнаго воспитанія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда представители младшаго поколѣнія сознавали за собой преимущество лучшей теоретической подготовки, Викторъ Романовичъ старался (къ сожалѣнію, не всегда успѣшно) внушить своимъ ученикамъ правило, въ шутливой формѣ выраженное въ одномъ изъ его писемъ ко мнѣ (въ январѣ 1894 г.) въ слѣдующихъ словахъ: «Хорошіе люди есть вездѣ и даже въ «нехорошихъ» обыкновенно есть кое-что хорошее, все дѣло только въ томъ, чтобы отыскать это хорошее».

В. Бартольдъ.